

УДК 347.1

DOI 10.25205/2542-0410-2021-17-2-35-44

Обязанность добросовестного ведения переговоров о заключении договора как элемент содержания преддоговорного правоотношения

В. И. Бояринова

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Рассматривается вопрос о содержании преддоговорного правоотношения и о роли добросовестности в нем. В результате анализа делается вывод, что в содержание преддоговорного правоотношения входит только одна преддоговорная обязанность – вести переговоры добросовестно. Ее следует рассматривать как обязанность, включающую в себя отдельные элементы – проявления общей обязанности сторон по добросовестному поведению, возникающие на преддоговорном этапе, или, по-другому, требования к добросовестному поведению. К таким элементам относятся обязанность по информированию; обязанность не прерывать переговоры без объяснения причин, если другая сторона полагалась на намерение лица заключить договор; обязанность сохранять полученную информацию в конфиденциальности, если стороне известно, что информация является секретной и не может быть использована третьими лицами. Предпринята попытка доказать, что значение добросовестности не в дополнении преддоговорной обязанности, а в ее конкретизации.

Ключевые слова

гражданское правоотношение, добросовестность, преддоговорное правоотношение, обязанность добросовестного ведения переговоров, переговоры, преддоговорная обязанность, элементы преддоговорного правоотношения

Для цитирования

Бояринова В. И. Обязанность добросовестного ведения переговоров о заключении договора как элемент содержания преддоговорного правоотношения // Юридическая наука и практика. 2021. Т. 17, № 2. С. 35–44. DOI 10.25205/2542-0410-2021-17-2-35-44

The Obligation to Conduct Negotiations in Good Faith on the Conclusion of a Contract as an Element of the Content of a Pre-Contractual Legal Relationship

V. I. Boyarinova

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The article discusses the issue of the content of the pre-contractual legal relationship and the role of good faith in it. As a result of the analysis, it is concluded that the content of the pre-contractual legal relationship includes only one pre-contractual obligation – to negotiate in good faith. It should be considered as a duty that includes separate elements – manifestations of the general obligation of the parties to behave in good faith, arising at the pre-contractual stage, or, in other words, requirements for good behavior. These elements include the obligation to inform; the obligation not to interrupt negotiations without giving reasons if the other party relied on the person's intention to conclude a contract; the obligation to keep the information received in confidentiality if the party knows that the information

is secret and cannot be used by third parties. An attempt has been made to prove that the meaning of good faith is not in addition to the pre-contractual obligation, but in its specification.

Keywords

civil legal relationship, good faith, pre-contractual legal relationship, duty in good faith, negotiations, pre-contractual duty, elements of pre-contractual legal relationship

For citation

Boyarinova V. I. The Obligation to Conduct Negotiations in Good Faith on the Conclusion of a Contract as an Element of the Content of a Pre-Contractual Legal Relationship. *Juridical Science and Practice*, 2021, vol. 17, no. 2, p. 35–44. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2021-17-2-35-44

В цивилистической доктрине традиционным (за редкими отступлениями) является выделение следующих элементов правоотношения: объект, субъект и содержание.

Как отмечали О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородский, волевое содержание правоотношения воплощается в субъективных правах и обязанностях его участников [1. С. 217–219]. Под обязанностью понимается обеспеченная законом мера должного поведения, которой следует обязанное лицо в соответствии с требованиями управомоченного [1. С. 223–224]. Г. Ф. Шершеневич называет обязанностью «сознание связанности своей воли» [2. С. 103]. В советской литературе подобное определение было поддержано А. М. Айзенбергом и М. Н. Карева, определявшими правовую обязанность как «связанность лица в вопросе о том, допустимо или недопустимо ему совершать то или иное действие» [3. С. 54]. По мнению В. Ема, обязанность является правовой формой, в которой находит выражение социальная необходимость, реализующаяся через практическую деятельность субъектов [4. С. 5].

В цивилистической литературе преобладает мнение о том, что содержанием преддоговорных правоотношений является только одна обязанность – вести переговоры добросовестно. Такой позиции придерживаются М. К. Сулейменов [5. С. 50–64] и А. В. Демкина [6. С. 109–115]. Признавая существование одной общей обязанности – действовать добросовестно при переговорах, ряд авторов при этом выделяют ее формы. Так, Е. А. Крашенинников, Ю. В. Байгушева в качестве таких форм называют обязанность воздерживаться от действий, причиняющих вред жизни, здоровью или имуществу партнера по преддоговорным переговорам; обязанность сообщать партнеру по преддоговорным переговорам сведения, имеющие существенное значение для будущего договора; обязанность воздерживаться от необоснованного отказа от ведения начатых переговоров и заключения договора; обязанность избегать недействительности будущего договора и несогласованности подлежащих согласованию волеизъявлений [7. С. 82–93]. К. В. Гницевич в обязанность по добросовестному ведению переговоров о заключении договора включает обязанность позитивного информирования контрагента об обстоятельствах, исключающих действительность или снижающих выгодность заключаемого договора, и о своих сомнениях в твердости намерений заключить договор [8. С. 52].

Некоторые исследователи выделяют обязанность по информированию как самостоятельный вид преддоговорных обязанностей, не останавливаясь при этом на вопросе о количестве преддоговорных обязанностей в целом. К ним относятся С. Л. Будылин [9. С. 120–125], Е. А. Куклева [10. С. 156], Т. С. Микони [11. С. 60], А. Ф. Пьянькова [12. С. 302].

В. В. Богданов делает вывод о том, что содержание преддоговорных правоотношений выражается либо в общей обязанности надлежащего поведения на стадии заключения договора (обязанность добросовестного ведения переговоров), либо в обязанности заключить договор. Он предлагает закрепить ряд общих моделей надлежащего (добросовестного) поведения на стадии заключения договора – обязанность не вступать в переговоры при отсутствии намерения или возможности его, обязанность поставить в известность о переговорах с другими контрагентами и другие [13. С. 12].

На наш взгляд, содержанием преддоговорных правоотношений является только одна обязанность – вести переговоры добросовестно, которая включает в себя определенные состав-

ные части. Вопрос об их обозначении не решен в литературе, в отличие от структурных элементов субъективного права, традиционно именуемых правомочиями. Некоторые авторы говорят о *формах* единой обязанности вести переговоры (Е. А. Крашенинников, Ю. В. Байгушева). В. Ем содержанием преддоговорной обязанности считает *требования* к приемам и способам предписываемого обязанному лицу поведения. Эти требования при характеристике мер государственного принуждения в содержании обязанности он называет «*элементами* содержания позитивной обязанности» [4. С. 50]. В. В. Груздев, анализируя гражданско-правовые обязанности, выделял в их составе обязательные и факультативные «*элементы*» [14. С. 97]. Кажется вполне приемлемым обозначение составных частей преддоговорной обязанности элементами, которые представляют собой требования добросовестного поведения.

Перечислим эти элементы.

1) Обязанность по информированию. Каждая сторона переговоров обязана раскрывать информацию, имеющую отношение к будущему договору. Причем речь идет не только о характеристиках предмета договора, но и о раскрытии любой информации, которая может иметь значение для стороны. Например, автомобильный салон продает машину, которая имеет отличные характеристики по качеству, требуемые покупателю, но умалчивает о том, что в течении нескольких недель появится новая модель с лучшими характеристиками и за меньшую цену. В таком случае эта информация должна быть раскрыта продавцом. Также должна быть раскрыта известная стороне правовая информация: например, лицо приобретает товар для использования в определенных целях, но продавцу известно, что такое использование продаваемого товара противоречит закону – тогда продавец обязан уведомить об этом покупателя.

2) Обязанность не прерывать переговоры без объяснения причин, если другая сторона полагалась на намерение лица заключить договор.

3) Сохранять полученную информацию в конфиденциальности, если стороне известно, что информация является секретной и не может быть использована третьими лицами.

Полагаем, что закреплять обширный перечень элементов преддоговорной обязанности в статье 434.1 ГК РФ не имеет практического смысла ввиду их упоминания в других статьях кодекса (например, обязанность осуществлять действия по государственной регистрации или нотариальному удостоверению договора, следующая из ст. 165 ГК РФ). Однако формулировка п. 2 ст. 434.1 ГК РФ представляется нам не совсем удачной: сначала законодатель говорит об обязанности действовать добросовестно и приводит один пример добросовестного поведения, но затем ее элементы не называет, а переходит к определению понятия недобросовестных действий. Хотя логично было бы продолжить перечисление элементов обязанности добросовестного поведения при ведении переговоров.

Вопрос о том, чем руководствоваться правоприменителю при отнесении действий сторон переговоров, прямо не названных в ст. 434.1 ГК РФ, к добросовестным или недобросовестным, должен решаться исходя из содержательной стороны добросовестности в целом.

Сегодня нормы, в которых используется термин «добросовестность», можно найти в некоторых статьях ГК РФ. В п. 3 ст. 1 ГК РФ установлено требование добросовестного поведения, которое распространяется на все этапы развития гражданского правоотношения. О добросовестности упоминается применительно к конкретному правоотношению в различных статьях ГК РФ. Так, обязанность добросовестного поведения установлена в п. 3 ст. 307, п. 2 ст. 434.1, п. 3 ст. 450, п. 4 ст. 450.1 и в других статьях ГК РФ¹.

Несмотря на отражение добросовестности в законодательстве, ее легальное определение отсутствует, а содержание добросовестности применительно к различным этапам существования гражданского правоотношения законодателем не раскрывается.

Подходы доктрины к природе добросовестности различны: можно выделить объективный, субъективный и смешанный подходы.

¹ В законе добросовестность рассматривается как требование определенного поведения и как принцип. Применительно к преддоговорной обязанности добросовестность нами анализируется как требование.

В объективном значении добросовестность определяется как «сложившаяся в обществе и признанная законом, обычаями или судебной практикой система представлений о нравственности поведения при приобретении, осуществлении и защите прав, а также при исполнении обязанностей» [15. С. 24]; как известное внешнее мерило, которое принимается во внимание законом, судом, применяющим закон, и которое рекомендуется членам гражданского оборота в их взаимных отношениях друг с другом [16. С. 56–57]. А. Егоров отмечает этическое предназначение принципа добросовестности: «принцип добросовестности призван сдерживать проявления личного эгоизма там, где этот эгоизм начинает выступать препятствием для жизни социума» [17. С. 9]. А. Г. Карапетов пишет, что смысл правового принципа добросовестности в объективном смысле состоит в том, что он претендует на то, чтобы непосредственно задать стандарт поведения [19. С. 170–172].

В соответствии с субъективным подходом добросовестность понимается как определенное сознание того или иного лица, как неведение некоторых обстоятельств, с наличием которого закон считает возможным связать те или иные юридические последствия [16. С. 56–57]; внутреннее понимание субъектом необходимости определенного поведения [20. С. 169–170].

А. Г. Карапетов считает такой подход не совсем удачным, отмечая, что при оценке добросовестности как стандарта поведения применяется объективное мерило – соответствие объективному стандарту справедливости. По его мнению, в большинстве случаев значение имеет вмененное знание, а стандарт вменения определяется через оценку поведения индивида на предмет его осторожности и осмотрительности, что и в этих случаях обозначает объективный стандарт поведения [19. С. 179]. Аналогичной точки зрения придерживается и А. Егоров, который отмечает, что любое вменение есть объективный взгляд на субъекта со стороны общества [17. С. 6–7].

Третий подход к понятию добросовестности – смешанный, в соответствии с которым добросовестность можно определить как универсальную категорию, объединяющую в себе и субъективный, и объективный подход [16. С. 56–57]. Другими словами, поведение лица должно соответствовать объективному мерилу (требованиям доброй совести), и лицо не должно было знать об обстоятельствах, препятствующих осуществлению права. Представляется, что смешанный подход к определению природы добросовестности в наибольшей степени соответствует современным реалиям, однако приоритет должен отдаваться объективному или субъективному пониманию добросовестности в зависимости от того, в каких правоотношениях эта категория проявляется [22. С. 44].

Сочетание двух подходов одновременно невозможно: добросовестность выступает либо внешним объективным мерилом поведения лица, либо внутренним, субъективным отношением лица к своему собственному поведению. По мнению И. Д. Кузьминой, в российском гражданском праве сложилась вариативность к определению понятия добросовестности применительно к различным сферам правовой действительности, однако это не значит, что субъективный и объективный подходы к понятию добросовестности могут существовать в рамках одного правоотношения [21. С. 42–44].

Антиподом добросовестности является недобросовестность, значит, природа недобросовестности может быть также оценена с точки зрения указанных подходов – объективного, субъективного и смешанного. Недобросовестность в объективном смысле означает несоблюдение нравственных начал, требований доброй совести; в субъективном смысле это волевое отношение лица к обстоятельствам, знание или незнание которых привело или могло привести к отрицательным последствиям; смешанный подход предполагает разную оценку природы недобросовестности в зависимости от вида гражданских правоотношений, в которых она применяется.

В литературе вопрос о роли добросовестности в преддоговорной обязанности не нашел должного отражения. К. Нам отмечает, что добросовестность *дополняет* содержание преддоговорного правоотношения. При этом автор рассматривает добросовестность не как требование, а как принцип, который расширяет содержание обязательства путем обоснования наличия иных обязанностей, помимо основных. По мнению исследователя, дополнительные

обязанности могут возникать до появления основного обязательства, во время его существования и после него. В преддоговорных отношениях такие обязанности автор именуется квази-дополнительными – связанными с возможным и желаемым в будущем обязательством, но не являющимися самоцелью сторон [18. С. 35].

Позиция К. Нама не совсем понятна: если принцип добросовестности лишь дополняет преддоговорную обязанность, то какая обязанность является основной? Напротив, мы считаем, что обязанность действовать добросовестно в преддоговорном правоотношении является основной обязанностью каждой из сторон. Никаких других обязанностей в преддоговорном правоотношении нет, есть только элементы одной обязанности, которые являются требованиями к добросовестному поведению. Следовательно, добросовестность не выполняет дополняющую функцию, а конкретизирует содержание преддоговорного обязательства.

В связи с отсутствием определенности в решении вопроса о том, какое поведение стороны переговоров относить к добросовестному, можно предположить, что есть вероятность слишком широкого судебного усмотрения при принятии решения. Ряд ученых отмечают риск негативного воздействия принципа добросовестности на гражданский оборот, так как трактовку поведения как добросовестного или недобросовестного осуществляет суд. Например, Ш. М. Масадиков указывает, что «в правоприменительной практике, с одной стороны, принцип добросовестности позволяет заполнить пробелы в гражданском законодательстве, с другой стороны, может привести к злоупотреблениям судебного усмотрения» [24. С. 53].

Полагаем, что широкое распространение принципа добросовестности на все виды гражданских правоотношений уравнивается содержательным наполнением принципа, осуществляемым судами. Верно пишет К. И. Скловский о том, что «применение принципа невозможно без сознательного и последовательного формирования общих положений, конкретизирующих принцип доброй совести, в котором ведущую роль должен играть ВС РФ» [25. С. 220]. Таким образом, если требования к добросовестному поведению не названы в законе, только суды могут сформировать их исходя из обстоятельств конкретного дела.

Анализ судебной практики о нарушении преддоговорной обязанности показывает, что суды скорее осторожно относятся к расширительному толкованию принципа добросовестности, оставляя возможность сторонам процесса самим доказывать и обосновывать добросовестность стороны. Преобладает ситуация, в которой суд вообще не касается оценки действий сторон в качестве добросовестных или недобросовестных, а просто делает вывод, относя действия к тем или другим ².

Однако в некоторых делах суд оценивает поведение стороны и обосновывает, почему те или иные действия или бездействие являются недобросовестными. Так, в решении Арбитражного суда Самарской области от 02.07.2020 указано, что недобросовестность стороны проявилась в сообщении недостоверной информации ³. Таким выводом суд оценил недобросовестность как объективную категорию – как нарушение обязанности предоставлять полную и достоверную информацию стороне переговоров. По обстоятельствам дела на сайте больницы был размещен заказ на поставку медицинского изделия «анализатор паров этанола» и его ввод в эксплуатацию. Истец для целей участия в закупке направил ответчику запрос с тем, чтобы определить, есть ли у него для продажи товар с необходимыми характеристиками, и получил положительный ответ. После того, как истца признали победителем закупки, он направил ответчику проект договора поставки для подписания, однако ответчик прислал новую редакцию договора, в котором подробные технические характеристики това-

² Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 17.01.2020 по делу № А47-6831/2018 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.08.2020); Апелляционное определение Колпинского районного суда города Санкт-Петербурга от 24.12.2019 по делу № 11-133/2019 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.08.2020); Решение Камышлывского городского суда Свердловской области от 24.12.2019 по делу № 2-2-295/2019 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.08.2020).

³ Решение Арбитражного суда Самарской области от 02.07.2020 по делу № А55-1407/2020 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.08.2020).

ра отсутствовали, было лишь указание на наименование и модификацию анализатора. Впоследствии больница отказала истцу в приемке товара, так как технические характеристики не соответствовали заявленным. Это и стало причиной обращения в суд с требованиями о взыскании убытков. Суд сделал вывод, что, несмотря на отсутствие подписанного договора, он считается заключенным, а письменная форма соблюденной в связи с совершением сторонами конклюдентных действий – выставление счета, оплата счета, поставка товара. При этом суд при удовлетворении исковых требований сослался на статью 434.1 ГК РФ и исследовал не только обстоятельства неисполнения договора, но и обстоятельства ведения сторонами переговоров, установив, что ответчик вел переговоры недобросовестно, так как, зная о потребностях истца в определенном товаре, предоставил заведомо ложную информацию о наличии товара с такими характеристиками.

В другом судебном акте в качестве недобросовестного действия было квалифицировано внезапное и неоправданное прекращение переговоров⁴. Истец и ответчик вели переговоры о заключении договора аренды, ответчик передал истцу ключи от помещения и направил договор аренды, а истец направил в ответ протокол разногласий. После этого ответчик направил отказ от заключения договора и требование освободить помещение. Суд сделал вывод о том, что в отсутствие каких-либо доказательств со стороны ответчика, при наличии документов, подтверждающих оплату аренды помещения, передачу ключей, направление протокола разногласий, ответчик вел себя недобросовестно.

Аналогичные выводы сделаны в решении Арбитражного суда Липецкой области от 10.02.2020 – внезапное и неоправданное прекращение переговоров также истолковано как недобросовестное поведение⁵. Между сторонами велась переписка по вопросу заключения договора поставки подсолнечника. Ответчик своими действиями создал у истца представление о том, что сделка состоится, однако после выставления счета на оплату ответчик утратил намерение заключить договор с истцом, не направив при этом своевременно уведомление истцу о том, что переговоры прекращены.

Лишь в некоторых делах суд оценивает в качестве недобросовестного поведение, не названное напрямую в п. 2 ст. 434.1 ГК РФ. Интерес представляет дело, в котором истец требовал взыскать убытки с ответчика, который внезапно и неоправданно вышел из переговоров. Контрагенты вели переговоры о продаже фитнес-клуба в Москве, однако продавец внезапно вышел из переговоров, сообщив, что договор будет заключен с другим лицом. Все три инстанции отказали в удовлетворении требований, указав, что истец не обосновал намерение ответчика причинить вред таким прекращением переговоров. Однако Верховный суд РФ, направив дело на новое рассмотрение, уточнил, что для того, чтобы оценить поведение стороны как недобросовестное, нужно установить, что оно своевременно не сообщило контрагенту об обстоятельствах, препятствующих заключению договора, в том числе о своем окончательном намерении заключить договор с другим лицом, создавая или поддерживая при этом у первоначального контрагента ложные представления о своей готовности в будущем заключить договор. В такой ситуации подлежит установлению, когда готовность лица заключить договор стала носить притворный характер и, если контрагент не был сразу же уведомлен о прекращении намерения заключить договор, стало ли это причиной его дополнительных расходов, которые он не понес бы в случае своевременного уведомления⁶.

Тем самым Верховный суд РФ, опираясь на имеющийся пример недобросовестного ведения переговоров, указанный в пп. 1 п. 2 ст. 434.1 ГК РФ, раскрыл его содержание, в том числе сформулировал ответ на вопрос, является ли параллельное ведение переговоров с несколькими контрагентами недобросовестным. Такое поведение не названо в качестве

⁴ Решение АС Республики Хакасия от 18.02.2020 по делу № А74-11367/2019 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.08.2020).

⁵ Решение АС Липецкой области от 10.02.2020 по делу № А36-10125/2019 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.08.2020).

⁶ Определение ВС РФ от 20.12.2019 по делу № А40-98757/2018 [305-ЭС19-19395] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.08.2020).

недобросовестного ни в ст. 434.1 ГК РФ, ни в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» (далее – Постановление Пленума ВС РФ № 7)⁷, однако наиболее часто встречается в предпринимательской деятельности. На наш взгляд, параллельное ведение переговоров с несколькими лицами не является недобросовестным, если ни одному из контрагентов сторона не дает оснований полагаться на то, что договор будет заключен, либо предупреждает каждого контрагента о наличии других переговоров. При соблюдении этих условий поведение может считаться недобросовестным, только если сторона заключила с одним из контрагентов соглашение об эксклюзивности переговоров. Аналогичным образом высказался и Верховный суд РФ в определении от 29.01.2020 № 305-ЭС19-19395⁸.

Иные судебные акты, в которых суд квалифицировал бы действия стороны переговоров, прямо не названные в ст. 434.1 ГК РФ и в Постановлении Пленума ВС РФ № 7 в качестве недобросовестных, нами не обнаружены.

Полагаем, что обзор практики на уровне высшей судебной инстанции либо разъяснение Пленума Верховного суда РФ о порядке ведения переговоров способствовали бы формированию единых правил для отнесения того или иного поведения к добросовестному при ведении переговоров о заключении договора и позволили бы уменьшить вероятность принятия несправедливых решений в связи с расширением судебского усмотрения.

Анализ судебной практики позволяет ответить на вопрос о роли добросовестности в преддоговорной обязанности. Суды рассматривают нарушение отдельных элементов обязанности добросовестно вести переговоры как нарушение этой обязанности в целом. Содержание добросовестности как требования определенного поведения в преддоговорных правоотношениях установлено законом (предоставлять полную и достоверную информацию, не выходить из переговоров внезапно и неоправданно и прочие), то есть добросовестность, с одной стороны, выступает объективным критерием оценки поведения стороны переговоров. Однако судебная практика показывает, что суды оценивают и субъективные характеристики недобросовестности.

Полагаем, что формулировку пункта 2 ст. 434.1. ГК РФ нужно изменить, четко обозначив в нем только одну обязанность сторон переговоров – действовать добросовестно – и определив ее основные элементы – требования к добросовестному поведению. Предлагается следующая редакция названного пункта: «При вступлении в переговоры о заключении договора, в ходе их проведения и по их завершении стороны обязаны действовать добросовестно, в частности:

- 1) не допускать вступление в переговоры о заключении договора или их продолжение при заведомом отсутствии намерения достичь соглашения с другой стороной;
- 2) предоставлять стороне полную и достоверную информацию, не умалчивая об обстоятельствах, которые в силу характера договора должны быть доведены до сведения другой стороны;
- 3) не допускать внезапного и неоправданного прекращения переговоров о заключении договора при таких обстоятельствах, при которых другая сторона переговоров не могла разумно этого ожидать;
- 4) не раскрывать конфиденциальную информацию, полученную в ходе переговоров о заключении договора, и не использовать ее ненадлежащим образом для своих целей независимо от того, будет ли заключен договор».

⁷ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 (ред. от 07.02.2017) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Российская газета. № 70. 04.04.2016.

⁸ Определение ВС РФ от 29.01.2020 № 305-ЭС19-19395 по делу № А40-98757/2018 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.08.2020).

Указанные изменения внесут ясность в вопрос о содержании преддоговорной обязанности и роли добросовестности в ней.

Таким образом, преддоговорное обязательство содержит единственную преддоговорную обязанность – вести переговоры добросовестно. Она включает в себя следующие элементы: обязанность по информированию, обязанность не прерывать переговоры без объяснения причин, обязанность сохранять полученную информацию в конфиденциальности и другие элементы. При этом добросовестность не дополняет, а конкретизирует содержание преддоговорной обязанности.

Список литературы

1. **Иоффе О. С., Шаргородский М. Д.** Вопросы теории права. М.: Госюриздат, 1961. 380 с.
2. **Шершеневич Г. Ф.** Общая теория права: Учебное пособие по изданию 1910–1912 гг. в 2-х т. Т. 2. М., 1995. 362 с.
3. **Айзенберг А. М., Карева М. Н.** Правовые нормы и правоотношения. М.: Изд-во Московский большевик, 1949. 59 с.
4. **Ем В.** Категория обязанности в советском гражданском праве: Вопросы теории: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. М., 1981. 209 с.
5. **Сулейменов М. К.** Преддоговорные отношения // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2018. № 4 (53). С. 50–64.
6. **Демкина А. В.** Основания возникновения преддоговорного обязательства // Журнал российского права. 2017. № 1. С. 109–115.
7. **Крашенинников Е. А., Байгушева Ю. В.** Обязанности при ведении преддоговорных переговоров // Вестник ВАС РФ. 2013. № 6. С. 82–93.
8. **Гнищевич К. В.** Преддоговорная ответственность в гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2009. 27 с.
9. **Будылин С. Л.** Заверения и гарантии. Компаративное исследование. М.: Инфотропик Медиа, 2017. 160 с.
10. **Куклева Е. А.** Преддоговорная обязанность по раскрытию информации и ответственность за ее нарушение: сравнительно-правовой анализ // Российский юридический журнал. 2016. № 4. С. 155–161.
11. **Микони Т. С.** Преддоговорная обязанность банка по раскрытию информации при заключении с потребителем договора об использовании платежной карты // Закон. 2017. № 4. С. 59–67.
12. **Пьянькова А. Ф.** Особенности защиты прав потребителей в эпоху цифровизации экономики / под ред. О. А. Кузнецовой, В. Г. Голубцова, Г. Я. Борисевич и др. // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. 2019. № 1. С. 301–311.
13. **Богданов В. В.** Преддоговорные правоотношения в российском гражданском праве: автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 2011. 29 с.
14. **Груздев В. В.** Структура субъективных гражданских прав и гражданско-правовых обязанностей // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 5 (90) май. С. 95–104.
15. **Богданова Е. Е.** Добросовестность участников договорных отношений и проблемы защиты их субъективных гражданских прав: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 64 с.
16. **Новицкий И. Б.** Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 2006. № 1. Т. 6. С. 125–139.
17. **Егоров А.** Принцип добросовестности в Гражданском кодексе РФ: первые шаги реформы // Legal insight. 2013. № 2. С. 4–10.
18. **Нам К. В.** Развитие принципа добросовестности (Treu und Glauben). Современный этап. Внутренняя систематика // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 7. С. 83–114.

19. Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / А. В. Асосков, В. В. Байбак, Р. С. Бевзенко и др.; отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2020. 1471 с.
20. **Попова А. В.** Принцип добросовестности в международном коммерческом обороте: Законодательство и судебная практика Российской Федерации и стран-членов Европейского Союза: автореф. канд. ... юрид. наук. М., 2005. 195 с.
21. **Кузьмина И. Д.** Правоприменительное значение требования добросовестности // Вестник НГУ. Серия: Право. 2014. Т. 10. Вып. 1. С. 42–46.
22. **Шепель Т. В.** Является ли недобросовестное поведение при проведении переговоров о заключении договора правонарушением? // Гражданское законодательство. Статьи. Комментарии. Практика. Вып. 50 (под ред. д-ра юрид. наук, проф. А. Г. Диденко). Алматы, 2017.
23. **Кузьмина И. Д.** Соотношение категорий «вина» и «недобросовестность» в российском гражданском праве // Академический юридический журнал. 2018. № 4 (74). С. 28–35.
24. **Масадинов Ш. М.** Добросовестность в гражданском законодательстве Узбекистана // Добросовестность в гражданском праве: Мат-лы междунар. науч.-практ. конф. в рамках ежегод. цивилистических чтений, посвящен. 20-летию Гражданского кодекса Республики Казахстан / Отв. ред. М. К. Сулейменов. Алматы, 2014.
25. **Скловский К. И.** Сделка и ее действие. Комментарий главы 9 ГК РФ. Принцип добросовестности. 4-е изд., доп. М.: Статут, 2019. 278 с.

References

1. **Ioffe O. S., Shargorodsky M. D.** Questions of the theory of law. Moscow, Gosyurizdat, 1961, 380 p. (in Russ.)
2. **Shershenevich G. F.** General theory of law: Textbook for the edition of 1910–1912, in 2 vol., 2nd vol. Moscow, 1995, 362 p. (in Russ.)
3. **Aizenberg A. M., Kareva M. N.** Legal norms and legal relations. Moscow: Moscow Bolshevik Publishing House, 1949, 59 p. (in Russ.)
4. **Em V.** Category of duty in Soviet civil law: Questions of theory: Cand. Jurid. Diss. Moscow, 1981, 209 p. (in Russ.)
5. **Suleimenov M. K.** Pre-contractual relations. *Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan*, 2018, no. 4 (53), p. 50–64. (in Russ.)
6. **Demkina A. V.** Grounds for the pre-contractual obligation // *Journal of Russian Law*, 2017, no. 1, p. 109–115. (in Russ.)
7. **Krashennnikov E. A., Baigusheva Y. V.** Obligations in the conduct of pre-contractual negotiations. *Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*, 2013, no. 6, p. 82–93. (in Russ.)
8. **Gnitsevich K. V.** Pre-contractual liability in civil law: Cand. Jurid. Diss., SPb., 2009, 27 p. (in Russ.)
9. **Budylin S. L.** Assurances and guarantees. Comparative study. M.: Infotropic Media, 2017, 160 p. (in Russ.)
10. **Kukleva E. A.** Pre-contractual obligation to disclose information and liability for its violation: comparative legal analysis. *Russian legal journal*, 2016, no. 4, p. 155–161. (in Russ.)
11. **Mikoni T. S.** Pre-contractual obligation of the bank to disclose information when concluding an agreement with the consumer on the use of a payment card. *Law*, 2017, no. 4, p. 59–67. (in Russ.)
12. **Pyankova A. F.** Features of consumer protection in the era of digitalization of the economy / ed. O. A. Kuznetsova, V. G. Golubtsova, G. Ya. Borisevich et al. *Perm Legal Almanac. Annual scientific journal*, 2019, no. 1, p. 301–311. (in Russ.)

13. **Bogdanov V. V.** Pre-contractual legal relations in Russian civil law: Cand. Jurid. Diss. Abstract. M., 2011. 29 p. (in Russ.)
14. **Gruzdev V. V.** The structure of subjective civil rights and civil obligations. *Actual problems of Russian law*, 2018, no. 5 (90) May, p. 95–104. (in Russ.)
15. **Bogdanova E.E.** The conscientiousness of the participants in contractual relations and the problems of protecting their subjective civil rights: Cand. Jurid. Diss. Abstract. M., 2003. 64 p. (in Russ.)
16. **Novitsky I. B.** The principle of good conscience in the draft law of obligations. *Bulletin of civil law*, 2006, no. 1, vol. 6, p. 125–139. (in Russ.)
17. **Egorov A.** The principle of good faith in the Civil Code of the Russian Federation: the first steps of reform. *Legal insight*, 2013, no. 2, p. 4–10. (in Russ.)
18. **Num K. V.** Development of the principle of integrity (Treu und Glauben). Modern stage. Internal systematics. *Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*, 2018, no. 7, p. 83–114. (in Russ.)
19. The main provisions of civil law: article-by-article commentary on articles 1-16.1 of the Civil Code of the Russian Federation [Electronic edition. Edition 1.0] / A. V. Asoskov, V. V. Baibak, R. S. Bevzenko et al.; ed. A. G. Karapetov. M.: M-Logos, 2020, 1471 p. (in Russ.)
20. **Popova A. V.** The principle of good faith in international commercial turnover: Legislation and judicial practice of the Russian Federation and the member states of the European Union: Cand. Jurid. Diss. Abstract. M., 2005, 195 p. (in Russ.)
21. **Kuzmina I. D.** Law enforcement value of the requirement of good faith. *Vestnik NSU, Series: Right*, 2014, vol. 10, iss. 1, p. 42–46. (in Russ.)
22. **Shepel T. V.** Is it an offense to conduct bad faith when negotiating a contract? *Civil legislation. Articles. Comments. Practice*, iss. 50 (ed. by Doctor of Law, Professor A. G. Didenko). Almaty, 2017. (in Russ.)
23. **Kuzmina I. D.** Correlation of the categories of «wine» and «bad faith» in Russian civil law. *Academic legal journal*, 2018, no. 4 (74), p. 28–35. (in Russ.)
24. **Masadikov Sh. M.** Conscientiousness in the civil legislation of Uzbekistan. In: Conscientiousness in civil law: Materials of the international. scientific-practical conf. within the framework of the annual. civilistic readings, dedicated. To the 20th anniversary of the Civil Code of the Republic of Kazakhstan / Ed. M. K. Suleimenov. Almaty, 2014. (in Russ.)
25. **Sklovsky K. I.** The deal and its action. Commentary on Chapter 9 of the Civil Code of the Russian Federation. The principle of good faith. 4th ed., Add. Moscow: Statute, 2019, 278 p. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
09.04.2021

Сведения об авторе / Information about the Author

Бояринова Владислава Игоревна, ассистент кафедры гражданского права, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет (Новосибирск, Россия)

Vladislava I. Boyarinova, assistant at the Department of Civil Law, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)

v.boyarinova@inbox.ru
SPIN 5594-8648